

8. www.gks.ru
9. Компания HeadHunter. Опрос, в котором приняли участие 1500 посетителей сайта hh.ru, проходил с 1 по 15 октября 2010 г.
10. К.Маркс. Экономико-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический Проект, 2010.
11. Медведев, Д.А. Из совещания по проблемам занятости. [Текст] / Д.А. Медведев. 14.02.2011.
12. Косарева, В.И. Промышленность России после вступления в ВТО. [Текст] / В.И. Косарева. Труды конференции «Молодежь и наука», Сибирский федеральный университет, 2011.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 300.399.31
ББК 60.5
Д 33
Педагогический институт Южного федерального университета

Денисова Галина Сергеевна
e-mail: denigs@aaa.net.ru

Клименко Людмила Владиславовна
e-mail: lucl@yandex.ru

МНОГОУРОВНЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ: СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО, РЕГИОНАЛЬНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТОВ

В статье рассматривается структура идентичности, представленная в общественном сознании населения трех субъектов федерации – Ростовской области, Краснодарском крае, Республики Адыгея. Авторы проводят сравнительный анализ собранного эмпирического материала по этим трем субрегионам Юга России и показывают доминирование конструируемых идентичностей в ростовском и краснодарском сегменте респондентов, и примордиальных идентичностей – в адыгейском. Авторы доказывают, что снижение межэтнической напряженности в южно-российских территориях требует от административных структур конструирования локального и макрорегионального компонентов территориальной идентичности.

Denisova S. Galina
e-mail: lucl@yandex.ru

Klimentko V. Ludmila
e-mail: lucl@yandex.ru

MULTILEVEL IDENTITY OF THE POPULATION OF THE SOUTH OF RUSSIA: THE PARITY OF THE ALL-RUSSIAN, REGIONAL AND ETHNIC COMPONENTS

The article describes the identity structure existing in public conscience of three subjects of the Russian Federation populace: in Rostov and Krasnodar regions and in the Republic of Adigeya. The authors carry out comparative analysis of the empirical data from these three South Russia subregions and demonstrate constructive identities domination in Rostov and Krasnodar respondent segment and primordial identities domination in Adigeyan segment. The authors submit that descending of interethnic tension in South Russian territories demand for local and macroregional components of territorial identity construction.

Ключевые слова: гражданская, региональная, этническая идентичности, Юг России, социальное конструирование, «Я-идентичность», «Мы-идентичность», структура идентичности, социальная интеграция.

Key words: civil, regional, ethnic identity, South Russian, social construction, "I-identity", "We-identity", identity structure, social indegration.

Территория Юга России отличается сложной многосоставной структурой, включающей ярко выраженный этнический, конфессиональный, лингвистический и этнохозяйственный компоненты. Данный регион характеризуется противоречивой историей межкультурного взаимодействия, миграционной активностью, неоднородностью локальных и субрегиональных единиц по выделенным параметрам и по длительности вхождения в состав нового административного образования - Южного федерального округа. Всё это создаёт трудности для формирования единого социокультурного пространства региона, укрепление которого призвано нивелировать этническую напряжённость в различных территориях Юга России.

Данные особенности Юга России актуализируют задачу оптимизации в регионе политики, направленной на интеграцию различных социально-демографических и этнокультурных групп населения в единое культурное пространство. Стабилизация социально-экономической и политической ситуации в стране позволяет и требует уйти от принципа оперативного реагирования на локальные межэтнические конфликты и формировать долгосрочную комплексную политику межэтнической толерантности. И если в советский период задача управления межэтническими отношениями рассматривалась в перспективе этнокультурной ассимиляции, то в настоящее время акцент сместился на достижение культурного плюрализма. Выступая на международном политическом форуме в Ярославле (сентябрь 2011 г.), Президент РФ Д.А.Медведев отметил, что для государственных институтов растущее этнокультурное и социальное многообразие «создаёт не только новые возможности, но и новые вызовы». Уже в настоящее время в России сформировался определенный социальный потенциал для негативной перспективы реализации этих вызовов, который проявляется в двух тенденциях: 1) этнической сепарации, наблюдающейся в северокавказских республиках; 2) растущей полиэтничности мегаполисов, которая сопровождается ростом

ксенофобии и межэтнической напряженности. Обе тенденции провоцируют активизацию административно-силового способа реагирования на эти вызовы. Но, глава государства подчеркнул единственно возможную перспективу государственного ответа на эти вызовы – сохранение исторически сложившегося культурного многообразия России.

Долгосрочная политика государства в этом направлении требует чуткого реагирования управленческих структур муниципалитетов и субъектов федерации на подвижки в сфере общественного сознания, интегрированным показателем которого выступает социальная идентичность. В условиях сохранения и роста поликультурности и поликонфессиональности общества в целом и различных его административно-территориальных сегментов социальная идентичность предполагает одновременное сосуществование гражданского, этнокультурного (включая конфессиональный элемент) и регионального компонентов, которые могут конкурировать, но могут и взаимодополнять друг друга. Задача государственных структур состоит в обеспечении непротиворечивого сочетания этих компонентов при доминировании гражданской идентичности.

Поддержание такой сложной конструкции требует постоянного мониторинга динамики ценностных ориентаций во всех этих измерениях и соотношения этих ценностей в общественном сознании. Результаты подобных исследований могут стать основой для адресной корректировки политики, направленной на управление межэтническими отношениями, цель которой – формирование гражданской (общероссийской) идентичности как доминанты общественного сознания населения в целом и каждой из его этнических групп. Такое ценностное основание выступает гарантом утверждения правовых способов регулирования бытовых конфликтов, возникающих в процессе межличностных взаимодействий представителей различных этнических групп, что препятствует переводу этих острых ситуаций в плоскость локальных межэтнических конфликтов.

Концептуальные рамки изучения идентичности населения южнороссийского полиэтничного макрорегиона были заданы практикой самоопределения этносоциальных групп в кризисных социальных ситуациях девяностых – первой половине двухтысячных годов: гражданственный и этнический компоненты здесь проявились как *конкурирующие*. Позднее, с укреплением гражданской идентичности, она не являлась сдерживающим началом по отношению к бытовым конфликтам на межэтнической почве. Поэтому была выдвинута гипотеза: снижение потенциала межэтнической конкурентности возможно при проведении целенаправленной политики конструирования макрорегиональной идентичности.

Уточним содержание основных понятий. *Гражданская идентичность* понимается как комплекс представлений, норм и моделей поведения, основой которых выступает чувство принадлежности к Российскому государству. Гражданские идентификации формируются на уровне индивидуального сознания на стадии первичной социализации под воздействием базисных социальных институтов. Основой *этнической идентичности* выступает чувство принадлежности к конкретной этнокультурной общности. Эта принадлежность к группе формируется в этнокультурной среде с раннего детства на базе родственных связей, мифов, исторических легенд о происхождении народа. Поэтому широко распространено представление о некой «врожденности» этнической идентичности.

Следует обратить внимание также на то, что устойчивым компонентом социальной идентичности является самоотнесенность индивида к территории проживания – *региональная идентичность*. Она выступает в трех вариантах своего проявления, отличающихся степенью эмпатии и практической включенности индивида в территориальное сообщество. Повседневная практика индивида сопряжена с *локальным* территориальным сообществом, и определяет формирование локальной региональной идентичности (отнесенность к поселенческой общности), как ее микроуровня. По своему происхождению она схожа с этнической идентичностью, формируется стихийно и естественно по мере взросления индивида; самим субъектом воспринимается как примордиальная конструкция и сохраняется как устойчивый компонент даже при смене места поселения во взрослом возрасте (часто именно этот компонент определяется индивидом как «малая родина»). Более абстрагированным, с меньшей долей эмпатии, является мезоуровень региональной идентичности; как правило, в этом качестве выступает самоотнесенность индивида к административно-территориальной единице проживания – области, краю, республике, – *субрегиональная идентичность*. В ней пересекаются примордиальные (естественно сформированные, локальные) компоненты и конструируемые. Наконец, макроуровень – макрорегиональная идентичность, т.е. соотносимость индивида с широкой территориальной общностью (например, «сибиряки», «волжане», «кавказцы», «южане» и др.), – в отличие от этнической или региональной идентичности не формируется стихийно, т.к. предполагает некоторое абстрагирование от повседневных жизненных практик. С этой точки зрения макрорегиональная идентичность – такое же воображаемое сообщество, как и гражданская идентичность. Формирование макрорегиональной идентичности на уровне индивидуального сознания представляет собой результат специального информационного воздействия (идеологического, пропагандистского), подчиненного политической стратегии субъекта государственной власти, направленной на укрепление и поддержание культурной гомогенности общества. Предметной этой стратегии выступает достижение не культурной ассимиляции в полиэтничном макрорегионе, а устойчивой социально-территориальной общности, включающей в себя этнокультурные различия.

Таким образом, структура региональной идентичности населения Юга России многослойна и включает в себя несколько уровней:

- *локальная* региональная идентичность – *микроуровень* (идентификация с жителями своего населённого пункта); *субрегиональная* идентичность – *мезоуровень* (близость с населением Ростовской области/ Краснодарского края/ Республики Адыгея);
- *макрорегиональная* идентичность – *макроуровень* (отождествление с населением Юга России и / или Северного Кавказа).

Чем более масштаб таксономический уровень, тем менее он насыщен примордиальными характеристиками, тем больших усилий требуется на его конструирование.

В устойчивых историко-культурных территориях (таких, например, как Поволжье, Дальний Восток, Сибирь), макрорегиональная идентичность выполняет функцию усиления гражданской идентичности, воспринимаясь как частная форма ее проявления. Иначе обстоит дело на Юге России, формирование которого в качестве макрорегиона осложняется не только его полиэтничным и поликонфессиональным населением, не только сложной проблемой не совпадения этнокультурных и административных границ расселения различных народов, но и постоянным административным экспериментированием на протяжении последнего столетия, направленным на оптимизацию границ макрорегиона. Напомним, что была попытка создания Северо-Кавказской советской республики (1918 г.), затем – Горской автономной республики; позже – Северо-Кавказского края (1924 г.), в которые вошли 6 национальных автономий (исключая Дагестан) и «русские» территории степного Предкавказья. Это образование в 1934 г. вновь разукрупняется – создается Азово-Черноморский край с преимущественно русским населением и Северо-Кавказский край, объединяющий северокавказские народы. Но оба образования просуществовали недолго и были еще более раздроблены в 1936 – 1937 гг. Северо-Кавказский край раздробился по этнотерриториальному принципу на автономные республики; Азово-Черноморский край – на экономические административно-территориальные образования – Краснодарский край, Ростовскую область и Орджоникидзевский (позднее – Ставропольский) край.

В 60-е годы в целях оптимизации планового управления экономикой и без оформления каких-либо административных границ создаются крупные экономические регионы, в том числе – Северо-Кавказский экономический район. В его состав вошли все северокавказские республики, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область. Созданные структуры макрорегионального управления экономикой (например, региональной системой железнодорожного транспорта – СКЖД, региональной гидрометеорологической службы и др.) и силовые структуры (например, Северо-Кавказский военный

округ), в совокупности с едиными образовательными стандартами социализации молодого поколения и институтами идеологического контроля выступили основой для постепенного формирования макрорегионального компонента идентичности полиэтничного населения Юга России. Позднее, в 2000-м г. на базе этого экономического района, а также с присоединением Волгоградской и Астраханской областей, и Республики Калмыкии был образован Южный федеральный округ. Учреждение такого макрорегиона задало импульс не только тенденции усиления внутрирегиональных административных и экономических связей, но и тенденции формирования представлений населения об административном единстве Юга России.

Масштабность присоединенных территорий и численность русского компонента в них выступали основанием для решения ключевых проблем данного макрорегиона: а) восстановления нарушенного в 90-е гг. баланса групп славянского и кавказского населения, без организации для этого специальных переселенческих программ; б) расширения и активизации горизонтальных внутрирегиональных экономических связей; в) снижения акцентирования этнокультурной особенности северокавказского субрегиона. Вместе с тем, эта тенденция административного конструирования макрорегиона была прервана в начале 2010 г., вследствие негативной оценки руководством страны степени выраженности экономической интеграции северокавказских республик в общее экономическое пространство России.

Постоянные колебания административно-территориальных границ, маркирующих официальное понимание Юга России и оснований для их определения, объясняют проблематичность формирования макрорегионального компонента идентичности. Раздел в 2010 г. территорий ЮФО на два федеральных округа – Южный федеральный и Северо-Кавказский, – и усиление вертикали власти в СКФО за счет широких полномочий Полномочного Представителя Президента РФ и целевого финансирования республик, вновь создали условия социокультурного обособления южных территорий с преимущественно русским населением и территорий, населенных северокавказскими народами уже в ближайшей перспективе.

Описанные постоянные административно-территориальные преобразования на Юге России определили выдвижение гипотезы о разной структуре социальной идентичности в различных субрегионах Юга России, а также – гипотезы о не сформированности устойчивой макрорегиональной идентичности – «южане», – и не достаточной ее распространенности во всем макрорегионе.

Данная постановка проблемы определила содержание эмпирического социологического исследования реализованного в 2009-2010 гг. в трёх субъектах Юга России – Ростовской области, Краснодарском крае и Республике Адыгея. Выбор этих субрегионов Юга России определялся различным проявлением в них влияния этнического фактора на социальные и политические процессы. В структуре населения Республики Адыгея доминирует сельское население, занятое в аграрном секторе экономики. Такой тип экономической жизни способствует воспроизводству этничности как естественной формы жизни людей. Третья часть населения РА – исторически проживающие здесь адыгейцы. В период трансформации политической системы России и «парада суверенитетов» (90-е гг. XX в.) в Адыгее обсуждение проблемы этнической идентичности и культурно-исторической общности адыгейцев, кабардинцев, черкесов, шапсугов, абхазов вызвало не только усиление культурных связей с другими республиками Северного Кавказа, но утверждение через республиканские законодательные органы принципа паритетного представительства адыгейцев и русских. Лоббирование этого принципа на уровне различных органов власти вызвало острую политическую борьбу в республике.

В Краснодарском крае основное население которого занято в сельском хозяйстве. Среди сельского населения сильны традиции кубанского казачества, и поэтому этнический фактор здесь также достаточно выражен и оказывает влияние на социально-политические процессы. Наиболее ярко он проявлялся на протяжении последних двух десятилетий в сфере регулирования миграционных процессов. Острая дискуссия на уровне края возникла по проблеме гражданского статуса турок-месхетинцев, которая завершилась выездом этой этнической группы из Краснодарского края в США. Другая болевая точка в общественном сознании на уровне края возникла по вопросу этнической миграции армян. Стремительный рост численности армянской диаспоры в крае за 90-е – начало 2000-х гг. вызвал резкое увеличение доли армянской группы в этнической структуре населения причерноморских городов, что вызвало тревогу среди различных групп населения края.

В Ростовской области, две трети населения которой проживают в городах и обладает высоким уровнем этнокультурной гомогенности (89,3% составляют русские), этнический фактор проявляется чаще всего на уровне бытовых повседневных практик и преимущественно – в молодежной среде. Но и здесь периодически возникают проблемы межэтнических взаимодействий, проявляющиеся как локальные конфликты. Они фиксируются большей частью в сельских районах растущей этнической мозаичности, вызванной внутренней миграцией из северокавказских республик.

Разная степень актуализации и влияния этнического фактора на социально-политические процессы в этих трех субрегионах, позволяющая методом сравнительного анализа выявить роль этничности в структуре социальной идентичности населения конкретного субрегиона, а также характер взаимосвязи гражданского, этнического и регионального компонентов идентичности. Методом стандартизированного интервью было опрошено 431 жителей Ростовской области, 420 человек, проживающих в Краснодарском Крае и 398 человек из числа населения Республики Адыгея.

Для эмпирического изучения структуры социальной идентичности в комбинированном виде применялись социально-психологические методики анализа множественных идентичностей: 1) «я-идентификация», как индикатор типичной структуры компонентов социальной идентичности, и приоритетных позиций в личностной самоидентификации; 2) «мы-идентификация», как показатель включённости людей в определённый тип общностей. Данные подходы исследования гражданских и этнических идентичностей уже были апробированы в российских и международных исследованиях и хорошо себя зарекомендовали.

Методика фиксирования «я-идентификаций» была предложена польскими учёными К. Косзёлой совместно с М.Грабовской, Т. Шавелем, Е. Колбовской. В нашем случае эта методика использовалась в адаптированном варианте. Респондентам задавался вопрос: «Что Вы думаете о себе? Из характеристик, предложенных в карточках, отберите те, которые Вы относите к себе и отложите их в сторону. А затем разложите эти карточки по степени важности для Вас». Опрашиваемый получал набор карточек с различными характеристиками, из которых он выбирал 10 наиболее ему подходящих. Далее респондента предлагают ранжировать отобранные характеристики по степени важности, соответственно, по десятибалльной шкале (где 1 – наиболее, а 10 – наименее важная характеристика). Таким образом, для каждого участника опроса получался определенный набор релевантных ему социальных характеристик, дифференцированных по степени их значимости.

Другой применяемый в исследовании подход к фиксации «мы-идентификации» представляет собой модифицированный вариант методики используемой в работах В.А. Ядова и его коллег. В нашем опросе респонденту нужно было отобрать не более 5 вариантов ответов на вопрос: «Мы часто встречаем различных людей. С одними мы быстро находим взаимопонимание, другие нам представляются скорее чужими. О каких группах Вы можете сказать: «это мы»? К каким группам людей вы себя чаще всего относите?».

Различия указанных методик в том, что они акцентируют внимание на различных механизмах идентификации. Психологический механизм отбора я- и мы-идентификаций во многом аналогичен - в обоих случаях задействуются когнитивные структуры психики человека. Однако, если при отборе карточек по методике Я-идентификации респондент фокусирует внимание на самохарактеристиках, рационализируя наиболее значимые для него социальные роли, то в вопросе о «мы-идентификациях» акцент смещается на более эмоциональное отношение респондента к окружающим группам или воображаемым сообществам, соотносясь с которыми, он чувствует их близость или отторжение. Следует подчеркнуть, что технологии социальной мобилизации и манипуляции сознанием, опираются на актуализацию именно групповых идентификаций («мы-идентичности», «наши»).

Реализованные социологические замеры убедительно свидетельствуют о том, что и по уровню распространённости, и по степени важности у населения Ростовской области в структуре «Я-идентичности» доминирует государственно-гражданский компонент. Позицию «гражданин России» выбрали в числе 10 самых важных 80,3% ростовчан, и ещё 43,1% из них поставили её на первое место. Я-идентификация с государством по распространённости в индивидуальной самооценке конкурирует с такими первичными человеческими идентичностями, как семейные и гендерные (67,3% и 60,1% соответственно). Они также лидируют и в общих процентных показателях ранжирования степени значимости. (См. табл. 1).

Конфессиональный компонент в Я-идентификации занимает пятое место по степени представленности и характерен для 40,6% опрошенных ростовчан. Но если посмотреть на ранговые позиции данного признака, то они не свидетельствуют о весомой значимости религиозного компонента в индивидуальной идентичности (табл. 1). Если сравнить подобные результаты для подгрупп, указавших разную конфессиональную принадлежность, то можно увидеть, что она мало значима для православных. Но для жителей ростовского субрегиона, указавших свою идентичность с католической или мусульманской верой, конфессиональный компонент занимает первые места в структуре идентичности.

В десятку самых распространённых попадает и региональная идентичность, а конкретно её мезо- и макроуровень. Позиции «житель Ростовской области» и «житель Юга России» выбрали 38,3% и 36,4% опрошенных. Ещё 14,8% опрошенных ростовчан идентифицируют себя с жителями Северного Кавказа (табл. 1). В то же время локальная идентичность набрала менее десятой доли ответов (7%).

Близко к макрорегиональной идентификации располагается и этнический компонент. 36,2% опрошенных жителей Ростовской области указали на его значимость, хотя и вторичность (третичность) в сравнении с общегражданской идентичностью (табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг «я-идентификаций» респондентов Ростовской области (%)

Идентификация	Распространённость	Ранг				
		1	2	3	4	5
Гражданин России	80,3	43,1	14,2	13,0	11,0	3,8
Мать/отец/сын/дочь	67,3	18,3	23,4	20,3	13,8	7,6
Мужчина/женщина	60,1	29,0	30,9	12,7	6,6	4,6
Молодой/пожилой/средних лет	43,9	1,6	6,9	13,2	14,3	14,8
Православный	40,6	6,9	6,9	13,1	15,4	16,0
Житель Ростовской области	38,3	1,2	9,1	9,1	6,7	13,3
Жена/муж	37,4	7,5	14,3	20,5	23,6	13,0
Житель Юга России	36,4	–	10,2	8,9	10,8	7,0
Представитель своего народа	36,2	7,7	14,7	16,0	15,4	9,6
Человек с будущим	36,2	13,5	9,0	12,8	14,1	12,2
Человек, добившийся всего сам	30,9	15,0	10,5	14,3	6,8	12,0
Студент/учащийся	25,3	11,9	16,5	12,8	11,0	17,4
Представитель своей профессии	23,9	3,9	5,8	13,6	12,6	13,6
Успешный человек	18,1	3,8	9,0	14,1	11,5	12,8
Усталый человек	16,5	2,8	9,9	9,9	12,7	19,7
Глава семьи	16,5	8,5	16,9	9,9	14,1	11,3
Пенсионер	15,8	11,8	17,6	16,2	14,7	13,2
Житель Северного Кавказа	14,8	6,3	9,4	6,3	7,8	6,3
Человек с достатком	11,8	9,8	9,8	9,8	11,8	7,8
Безработный	10,2	4,5	–	9,1	15,9	11,4

Изучение характера личностной идентификации **населения Краснодарского края** демонстрирует, что и здесь **удельный вес гражданских идентификаций высок**. Он занимает первую позицию в рейтинге распространённости (82,9%) и первое место по степени значимости (53,4%). Важными для жителей края оказываются также идентификации с реальными группами повседневного общения (семейные, гендерные и поколенческие статусы собирают от 57,1% до 41,4%, что соответствует 2, 3 и 4 местам в рейтинге) (табл. 2).

Чувство тождественности с населением региона фиксируется преимущественно на макрорегиональном уровне – позицию «житель Юга России» выбрало 37,1% опрошенных жителей Краснодарского края, что составляет 5 место в рейтинге представленности. Близость с населением края выбрали ещё 30% опрошенных. К жителям Северного Кавказа причисляют себя ещё 20% респондентов. Вместе с тем, на первые места по уровню значимости среди населения Краснодарского края различные компоненты региональной идентичности не выходят. Параметры этнической идентичности в рейтинге распространённости схожи с аналогичными показателями в «ростовском» сегменте и составляют 8 место, что соответствует 32,9%. (Табл. 1).

Обращает на себя внимание, что в «краснодарском» сегменте отличаются показатели представленности **«социально-перспективного Я»** в общей идентификационной структуре. По степени распространённости такие позиции как «человек, добившийся всего сам», «успешный человек» собирают в двух рассмотренных территориальных подмассивах около 30% в первом случае и около четверти респондентов – во втором. Однако по степени значимости эти позиции выходят на первые

места среди населения Краснодарского края. Но в этой территории достаточно распространена и позиция - «бедный человек» (10%), и в 28,6% случаев выносятся респондентами на первое место в рейтинге (табл. 2).

Таблица 2. Рейтинг «я-идентификаций» населения Краснодарского края (%)

Идентификация	Распространённость	Ранг				
		1	2	3	4	5
Гражданин России	82,9	53,4	13,8	8,6	5,2	5,2
Мать/отец/сын/дочь	57,1	5,0	35,0	20,0	15,0	12,5
Мужчина/женщина	47,1	36,4	18,2	18,2	3,0	3,0
Молодой/пожилой/средних лет	41,4	-	10,3	17,2	10,3	17,2
Житель Юга России	37,1	-	19,2	7,7	19,2	15,4
Православный	34,3	16,7	8,3	16,7	4,2	4,2
Человек с будущим	34,3	12,5	12,5	8,3	20,8	4,2
Представитель своего народа	32,9	13,0	13,0	13,0	17,4	17,4
Жена/муж	31,4	-	18,2	22,7	18,2	13,6
Человек, добившийся всего сам	31,4	31,8	18,2	13,6	4,5	4,5
Житель Краснодарского края	30,0	-	14,3	14,3	9,5	19,0
Представитель своей профессии	21,4	-	6,7	20,0	13,3	6,7
Студент/учащийся	21,4	-	6,7	13,3	13,3	13,3
Житель Северного Кавказа	20,0	-	7,1	14,3	-	14,3
Успешный человек	20,0	21,4	21,4	28,6	14,3	7,1
Пенсионер	18,6	-	15,4	7,7	23,1	23,1
Глава семьи	17,1	25,0	8,3	-	25,0	25,0
Безработный	14,3	-	-	20,0	30,0	10,0
Усталый человек	14,3	-	10,0	-	50,0	10,0
Бедный	10,0	28,6	-	14,3	-	28,6
Подчиненный	10,0	-	-	14,3	14,3	-

Эмпирические результаты исследования «я-идентификаций» населения Республики Адыгея показывают, что на двух первых позициях в этой группе размещаются примордиальные идентичности, которые по степени значимости собирают наибольшее число ответов (семейные статусы – 72,4%, гендерные статусы – 69,8%, которые ещё и набирают лидирующие позиции по степени важности – 35,3%). В третью очередь жители РА отождествляют себя с представителями своей этнической группы (64,6%). И лишь на четвёртом месте в рейтинге распространённости располагается гражданская идентичность (58,8%), которая вместе с тем занимает второе место по степени значимости (40,2%). (См. табл. 3).

На высокие места в «адыгейском» рейтинге распространённости попадает субрегиональная идентичность – так, 45,7% опрошенных определили себя жителем республики, что соответствует 6 месту. В первую десятку по упоминаемости вошёл также и локальный уровень региональной идентичности: 38,2% респондентов идентифицируют себя с жителями своего населённого пункта. Это самый высокий показатель микроуровня региональной идентичности во всех рассматриваемых территориальных подмассивах. Тогда как показатель отождествления себя с жителями Северного Кавказа не поднялся выше 14 места. (См. табл. 3).

Таблица 3. Рейтинг «я-идентификаций» населения Республики Адыгея (%)

Идентификация	Распространённость	Ранг				
		1	2	3	4	5
Мать/отец/сын/дочь	72,4	19,8	21,2	16,3	18,4	4,5
Мужчина/женщина	69,8	35,3	25,9	6,1	6,5	5,0
Представитель своего народа	64,6	11,7	21,4	24,5	7,4	8,9
Гражданин России	58,8	34,6	17,9	7,3	12,4	5,1
Жена/муж	56,0	7,6	18,4	21,1	19,3	9,0
Житель Адыгеи	45,7	4,9	2,7	7,1	6,0	8,8
Молодой/пожилой/средних лет	41,7	1,2	4,8	9,6	8,4	16,9
Житель своего села / города	38,2	2,0	5,9	14,5	11,2	18,4
Человек с будущим	37,7	3,3	8,7	5,3	9,3	13,3
Человек, добившийся всего сам	35,7	6,3	9,9	10,6	10,6	10,6
Представитель своей профессии	33,7	4,5	7,5	6,7	14,9	11,9
Успешный человек	30,7	3,3	2,5	4,9	12,3	8,2
Мусульманин	29,6	10,2	8,5	10,2	11,0	13,6
Житель Северного Кавказа	22,4	-	1,1	4,5	7,9	6,7
Человек с достатком	21,6	3,5	2,3	7,0	11,6	10,5
Православный	19,6	5,1	9,0	11,5	12,8	10,3
Глава семьи	19,3	6,5	5,2	3,9	5,2	6,5
Усталый человек	17,6	2,9	1,4	2,9	7,1	11,4
Хозяин	14,6	1,7	5,2	13,8	5,2	13,8
Житель Юга России	14,3	1,8	3,5	7,0	7,0	14,0
Пенсионер	14,1	5,4	14,3	12,5	12,5	8,9
Безработный	12,3	2,0	4,1	10,2	12,2	12,2

Материалы социологического опроса по блоку групповых идентификаций показывают, что среди населения рассматриваемых территориальных сегментов по частоте выбора на первое место выходят реальные группы повседневного общения (сверстники, единомышленники, товарищи по работе). С ними конкурируют конструируемые сообщества (национально-государственная, этническая, региональная идентичности).

Так, более половины жителей Юга России выбирают в качестве близких общностей людей своего поколения (от 58,5% до 64,3%), общей профессии (около четверти респондентов в Ростовской области и Краснодарском крае и 40,3% - в Адыгее). С другой стороны, достаточно высокий процент опрошенных указывают на сильную эмоциональную близость к государственному сообществу (от 29,2% до 31,4%). (См. табл. 4).

На групповом уровне региональная идентификация в совокупности всех позиций проявляется у 29,5% жителей ростовского региона, у 42,9% - краснодарского и наиболее высока представленность данного вида идентичности у жителей Адыгеи и составляет 60,7% опрошенных. Кроме того, в «адыгской подгруппе» в три раз больше тех респондентов, которые считают своей «мы-группой» соответствующую этнонациональную общность (табл. 4).

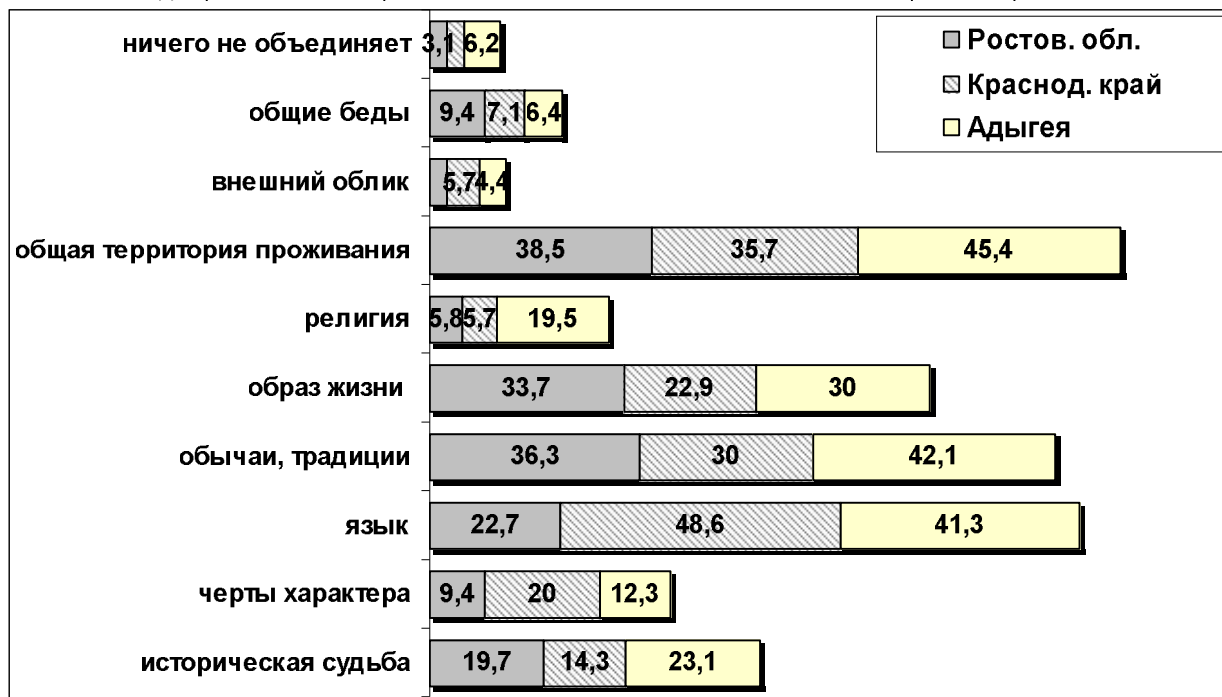
Таблица 4. Распределение ответов групп респондентов на вопрос: «О каких группах Вы можете сказать: «это мы»? К каким группам людей Вы себя чаще всего относите?»

	Варианты ответов	РО	КК	РА
	К людям своего поколения	58,5	64,3	63,6
	К людям своей профессии, рода занятий	24,0	21,4	40,3
	К людям такого же достатка	9,8	15,7	19,6
	К гражданам России	30,8	31,4	29,2
	к жителям своего региона	16,6	22,9	41,6
	к жителям Юга России	8,2	12,9	8,0
	к жителям Северного Кавказа	4,7	7,1	11,1
	к людям одной веры	11,0	8,6	16,0
	к людям своей национальности	11,2	11,4	32,3
0	к людям определенных политических взглядов	3,5	4,3	8,8
1	к группе успешных людей	4,2	8,6	15,5
2	я сам по себе и ни к кому себя не отношу	8,9	4,3	2,8
3	Другое	2,3	2,9	0,8
	Всего	193,5	215,7	294,8

Необходимым условием формирования региональной идентификации является соотнесение индивида с определенной общностью, локализованной в границах конкретного региона. Причины появления этих границ могут быть разными, однако определяющим поводом самопричисления индивида к данной территориальной общности является относительно устойчивая социокультурная гомогенность идентификационных признаков этого региона. Поэтому в инструментарий социологического исследования вводился отдельный блок вопросов, направленных на выявление специфики локальности, проявляющейся через восприятие опрошенными различных уровней территориальной целостности региона.

Эмпирические замеры показывают, что в качестве интегративных признаков для общности людей проживающих в регионе опроса респондента выступает единая территория проживания (от 35,7% до 45,4% опрошенных из трёх анализируемых сегментов). Важным параметром является сходные обычаи, традиции (от 30% до 42,1%) и образ жизни (от 22,9% до 33,7%). Единство языка в качестве объединительного фактора более актуально для жителей Краснодарского края и Адыгеи – территорий межэтнического контакта, - о чем свидетельствуют результаты опроса. Эту позицию отметили 48,6% респондентов Краснодарского края и 41,3% - Республики Адыгея. Кроме того, для адыгейского населения более важными, чем для респондентов из других территориальных сегментов, являются религиозный фактор (19,5%) и параметр общей исторической судьбы (23,1%). (Диагр. 1).

Диаграмма 1. Мнения респондентов о том, что их объединяет с людьми, проживающими в их местности

В то же время набор качеств и особенностей, отличающих население того региона, в котором проживает респондент, концентрируется преимущественно в любви к своей земле (с точки зрения 46,3% жителей Ростовской области и 55,8% - Республики Адыгея). Около пятой доли опрошенных из «ростовского» и «краснодарского» сегментов и более трети -из «адыгской» называют в качестве дифференцирующего признака открытость и простоту в общении (табл. 4). Территориальные особенности проявляются в том, что население Краснодарского края чаще приписывают людям, проживающим в их крае, чувство юмора (28,6%). В то время наибольшее число республиканских жителей отмечают такие позиции как «почитание казачьих традиций открытость» (44,7%) и «уважительное отношение к людям другой национальности» (31,6%). (См. табл. 4).

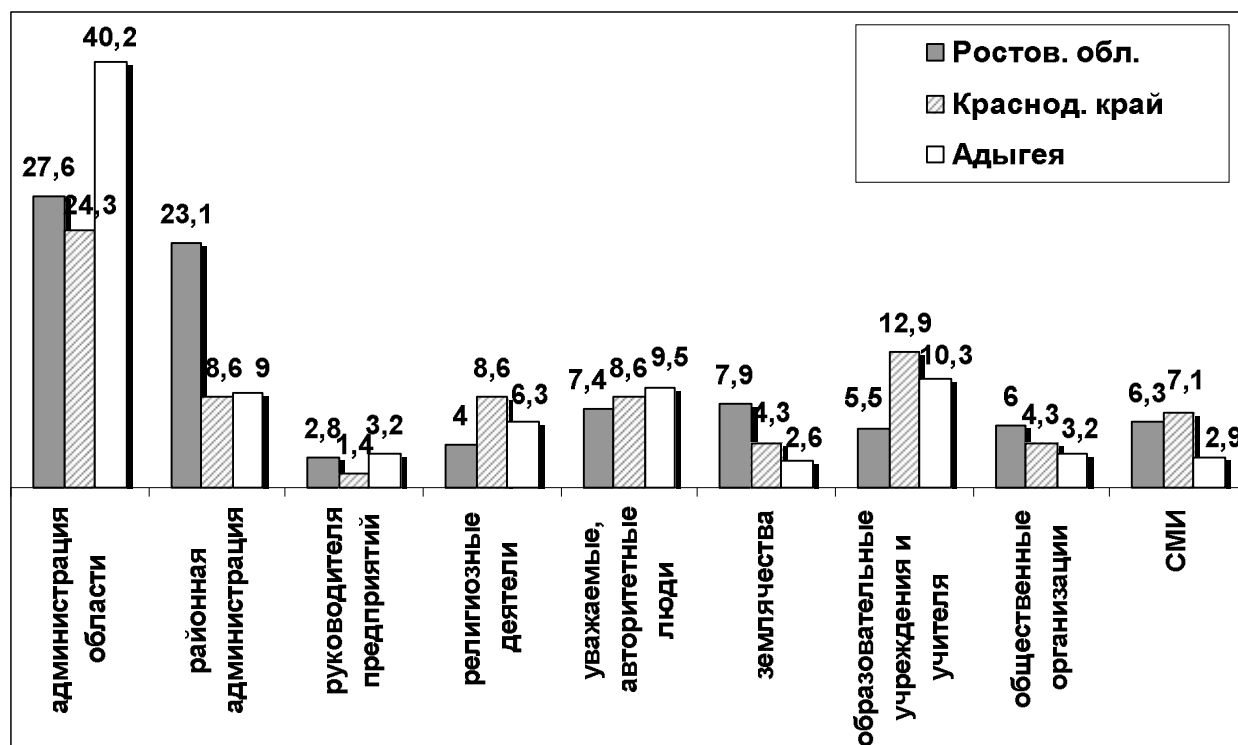
Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие характеристики отличают людей, проживающих в Ростовской области/Краснодарском крае/Республике Адыгея?»

	Варианты ответов	РО	КК	РА
	любят свою землю	46,3	27,1	55,8
	являются верующими людьми	9,1	4,3	18,8
	обладают чувством юмора	14,6	28,6	13,6
	почитание казачьих традиций	23,8	24,3	44,7
	сплоченность и взаимовыручка	12,5	10,0	22,6
	Предприимчивость	11,9	17,1	11,1
	уважительное отношение к людям другой национальности	7,5	8,6	31,6
	открытость и простота в общении, гостеприимство	24,5	21,4	39,6
	никаких отличительных характеристик я не вижу	13,6	11,4	8,2
0	Другое	3,3	5,7	0,3
	Всего	167,2	158,6	246,3

Полученные ответы на вопрос «Кто на Ваш взгляд способствует объединению людей, проживающих в вашей местности?» свидетельствует о том, что наибольшей интегративной силой с точки зрения большинства респондентов обладают пока властные структуры. Так, вариант ответа «администрация области» выбрали около четверти опрошенных из «ростовской» и «краснодарской» подгрупп и уже 40,2% -из «адыгейской». Позицию «районная администрация» указывают в два раза большее число жителей Ростовской области (23,1%). С другой стороны, опрошенное население Краснодарского края и Республики Адыгея чаще указывают на интегративную значимость СМИ и образовательных учреждений (по десятой доле респондентов) (диагр. 2).

С другой стороны, эмпирические замеры по вопросу «А что, на Ваш взгляд, препятствует объединению людей, проживающих в вашей местности?» показывают, что чаще всего дезинтегрирующим воздействием обладают два фактора – дифференциация интересов (24,7% в РО, 22,1% в КК и 28,1% в РА) и имущественное неравенство (25,3%, 24,8% и 18,6% соответственно). Во вторую очередь опрошенное население Юга России указывают на негативную роль равнодушия и пассивности местных жителей (18,9, 12,4% и 19,3%), а также препятствует объединению разная национальная принадлежность (10,8%, 16,8% и 12,3%).

Диаграмма 2. Мнения респондентов о том, кто может способствовать объединению людей, проживающих в их местности

В результате проведённого анализа специфики региональной идентичности территориальных сегментов населения Юга России можно сделать следующие выводы:

1) сравнительный анализ рационально-когнитивного содержания социальной идентичности («Я-идентичности») по трем субрегионам Юга России показывают доминирование конструируемого общегражданского компонента в сознании жителей Краснодарского края и Ростовской области и примордиального компонента – среди жителей Адыгеи (на первые два места по степени распространённости выходят семейные и гендерные статусы, третьем месте располагается этническая принадлежность против девятого и восьмого мест в «ростовском» и «краснодарском» сегментах);

2) в десятку самых распространённых попадает *региональная идентичность*: значимая доля респондентов всех групп выбирают субрегиональную идентичность (население края, области, республики); территориальные особенности проявляются в том, что среди жителей Ростовской области и Краснодарского края более всего выражен макроуровень региональной идентичности (Юг Росси), а у населения Адыгеи – локальный уровень (близость с жителями своего населённого пункта);

3) в структуре *«мы-идентификаций»* населения Юга Росси доминируют реальные группы повседневного общения; во вторую очередь представители «ростовского» и «краснодарского» сегментов склонны отождествлять себя с гражданами России; выделяется «адыгейская» подгруппа, в которой наибольший удельный вес региональной и этнической идентификаций;

4) восприятие респондентами территориальной целостности региона показывает, что интегративным влиянием обладают общая территория, традиции и обычаи; кроме того, для населения Адыгеи более важным является также религиозный и историко-культурный факторы;

5) наибольшей интегративной силой на Юге России с точки зрения его населения обладают властные структуры (областная и районная администрации), и, наоборот, препятствуют формированию региональной общности дифференциация интересов и имущественное неравенства.

Библиография:

1. Выступление Дмитрия Медведева на форуме в Ярославле. // «Российская газета». 08.09.2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2011/09/08/medvedev-forum.html> (дата обращения: 10.10.2011).
2. Денисова, Г.С. Южнороссийская идентичность: факторы и ресурсы. [Текст] / Г.С. Денисова, А.В. Дмитриев, Л.В. Клименко. – М.: Альфа-М, 2010. – С. 92.
3. Денисова, Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х гг. [Текст] / Г.С. Денисова. – Ростов н/Д.: ООО «Книга», 1996.
4. Денисова, Г.С. Конфликтогенность социокультурного пространства Ростовской области. [Текст] / Г.С. Денисова. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2007.
5. Данилова, Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше. [Текст] / Е.Н. Данилова // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М.: ИС РАН. – 2006. – С. 76.
6. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. [Текст] / В.А. Ядов // Мир России. 1993. – № 3-4. – С. 167-174.
7. Данилова, Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян. [Текст] / Е.Н. Данилова // Социологический журнал. 2000. – № ¾. – С. 76-86.
8. Данилова, Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше. [Текст] / Е.Н. Данилова // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М.: ИС РАН. – 2006. – С. 77.